

Абстракция — это процесс не только прошлого, но и настоящего.

Мы огорожены, связаны, закованы. Огорожены деньгами, связаны насилием, закованы в логику социальной сплочённости капитализма.

Это мы сами создаём свою тюрьму. Это продукт абстрактного труда. Абстрактный труд — это труд, который мы выполняем в результате "перехода к капитализму", тех столетий исторической борьбы, которые привели к изменению образа действий и мышления людей.

Тот факт, что мы строим свою собственную тюрьму, является источником как надежды, так и глубокой депрессии. Тот факт, что мы создаём мир, который держит нас в ловушке, означает, что мы можем разрушить его. Вот почему для Маркса было так важно показать, что такие, казалось бы, вечные факты жизни, как деньги, капитал или государство, являются исторически специфическими формами общественных отношений, моментами организации нашей деятельности. С другой стороны, если мы сами создаём себе тюрьму, то с нами явно что-то не так. Возможно, именно поэтому критическая теория иногда связана с тяжким пессимизмом: мы так глубоко искалечены абстрактным трудом и всем тем, что он подразумевает, что, кажется, нет никакой надежды на радикальные перемены.

Акцент на абстрактном труде — это большой скачок вперёд по сравнению с простым допущением унитарного труда. Он позволяет нам увидеть, что враг — это прежде всего абстрактный труд, создающий капитал, а не какая-то внешняя сила, а ещё позволяет нам увидеть гораздо более яркую картину капиталистического господства, как это уже с нами было. Но само богатство картины ограничивает нас: исследуя данный процесс постройки тюрьмы, мы начинаем осознавать его огромную сложность и силу. Тот факт, что наша деятельность организована определённым образом (тот факт, что мы выполняем абстрактный труд), создаёт сложное переплетение идентичности, сексуальности, временина часах, разрушения природы и т.д. Изменение общественных отношений не может быть сведено к изменению прав собственности на средства производства: оно означает преобразование всех сторон нашей жизни. Сложность господства, кажется, подавляет нас.

Единственный выход из этой дилеммы — атаковать само время.

История, которую мы рассказывали до сих пор, — это ортодоксальная история первоначального накопления. Исторический переход от феодализма к капитализму создал новую организацию человеческой деятельности как абстрактного труда, а это принесло с собой трансформацию времени, сексуальности, личности, всех сторон жизни. Это процесс в прошлом, создавший общество идентичности, одномерное общество, общество, управляемое часами. Капиталистические формы общественных отношений не обязательно будут существовать вечно, но пока что они господствуют.

А можно предположить, что это не так? Предположим, что прошлое — это не только прошлое, но и настоящее? Предположим, что первоначальное накопление — это не только процесс прошлого, но и процесс настоящего? Это открыло бы дверь в совершенно иную политику и совершенно иную теорию.

Первоначальное накопление обычно рассматривается как прошедший процесс насильственной борьбы за установление социальных основ капитализма. Сам Маркс, по видимому, думал об этом именно так, говоря о нем как о «доисторической стадии капитала» (Marx 1867/1965: 715; 1867/1990: 875) и предположение, что первоначальное насильственное установление капиталистических условий уступает место «тупому принуждению к экономическим отношениям» и что теперь «прямая сила... конечно, всё еще используется, но лишь в исключительных случаях» (Marx 1867/1965: 737; 1867/1990: 899). И всё же это не может быть так: конечно, происходят изменения в форме накопления, но совершенно неверно предполагать, что в какой-то момент прямое насилие раннего накопления сменяется новой стадией, на которой «тупое принуждение к экономическим отношениям» оказывается достаточным для поддержания капиталистического порядка^[1].

По своей сути первоначальное накопление — это отделение производителей от средств производства (Marx 1867/1965: 714; 1867/1990: 874–87). Но это разделение не является закрытым процессом. Это то, что повторяется каждый день. С одной стороны, существует постоянная борьба за расширение границ собственности: подумайте, например, о воде, генетических ресурсах или интеллектуальной собственности. Подумайте о массовом и ускоряющемся изгнании крестьянства с земель по всему миру и об огромных темпах роста городов за последние пятьдесят лет^[2]. Однако речь идёт не только о создании новой частной собственности, и, конечно, не только на периферии капитализма имеет значение первоначальное накопление^[3]. Старая, устоявшаяся собственность также постоянно находится под вопросом. Даже собственность на землю, огороженную триста лет назад, образуется только в процессе постоянного повторения, постоянно обновляющегося межевания или ограждения. Само накопление капитала, накопление прибыли есть постоянный процесс отделения производителей от их собственного продукта и, следовательно, от средств производства. Действительное и угрожающее насилие, необходимое для производства и воспроизводства отделения производителей от средств производства, возможно, теперь гораздо больше, чем всё, что Маркс мог представить. Огораживание земли и уважение к частной собственности требуют огромной армии людей для осуществления этих процессов. Если считать не только охранников, полицию и армию, но и судей, адвокатов, социальных работников и учителей (не говоря уже о родителях), то довольно значительная часть населения мира занята постоянно повторяющимся отделением людей от средств производства. Термин «тупое принуждение к экономическим отношениям» не соответствует активной и постоянно оспариваемой природе капиталистического присвоения^[4].

То же самое можно сказать не только о первоначальном накоплении в его узком смысле, но и обо всех формах общественных отношений, являющихся моментами абстракции труда. Как пишет Марсель Штоцлер (Stoetzler 2009: 169) в статье о создании разделения между женщинами и мужчинами, «когда Гегель указывал на ежедневное чтение конкретной газеты

как на один из повторяющихся актов, которые производят то, что, похоже, всегда было там, то же самое можно сказать о «ежедневных плебисцитах» Ренана и ежедневных актах «перформативного повторения» Джудит Батлер, производящих (реальную) иллюзию секса». Первоначальное накопление можно, пожалуй, назвать перформативным повторением: подобно тому, как разделение (и тем самым определение) девочек и мальчиков есть продукт постоянного повторения, так и отделение людей от средств производства есть результат ежедневного повторения, составляющего частную собственность как таковую.

Таким образом, абстракция деятельности в труд — не просто процесс прошлого: это настоящее, повседневная борьба. Борьба, от которой зависит существование капитала.

То же самое можно сказать о конституции и существовании. Фетишизм — это разделение конституции и существования. Мы производим товар, и, будучи однажды произведённым, товар обретает самостоятельное существование, отрицает процесс своего собственного конституирования. Рубашка, которую мы покупаем в магазине, ничего не говорит нам о том, как она была сделана. Разделение конституции и существования — это установление чёткого разрыва между прошлым и настоящим, главного момента для гомогенизации времени. Это означает, что принять как данность разделение конституции и существования или принять как данность гомогенизацию времени — значит поставить себя непосредственно на почву фетишизированного мышления. Воспринимать первоначальное накопление просто как прошедшее историческое событие — значит впасть в реальный, но иллюзорный взгляд на историю, порожденный тем же самым первоначальным накоплением. Критиковать первоначальное накопление — значит критиковать темпоральность, которую оно породило, критиковать разделение конституции и существования, отделение прошлого от настоящего. Конституция капитализма не является замкнутым эпизодом в прошлом: капитализм существует благодаря своему постоянному воссозданию.

Эту точку зрения можно вновь повторить (и если я повторяю её в несколько иной форме, то лишь потому, что она является стержнем книги), сказав, что формы социальных отношений должны пониматься как процессы формы. Все упомянутые нами различные формы общественных отношений (деньги, государство, капитал, товар, время на часах, женщина, мужчина и т.д.) — не просто формы, сложившиеся при переходе к капитализму, но процессы формирования общественных отношений, постоянно активные и постоянно находящиеся в стадии обсуждения. Деньги — это не просто устоявшаяся форма, а процесс монетизации общественных отношений, процесс, который постоянно повторяется и постоянно оспаривается (теми, кто берет товары, не платя за них — например, детьми или ворующими в магазинах). Государство не просто существует, но является постоянным процессом стратификации, превращения социального конфликта в определенные формы, процессом, постоянно находящимся под вопросом, поскольку борющиеся стремятся сохранить или развить другие формы^[5]. *Мужчина* — это не устоявшаяся форма общественных отношений, а результат постоянно повторяющихся практик, которые также постоянно подвергаются нападкам. Все общественные отношения — это активные поля битвы, живые антагонизмы.

Таким образом, определение формы никогда не бывает тотальным: это всегда борьба. Определение нашей деятельности не задаётся формами капиталистических общественных отношений — идёт постоянная борьба. Восстание — это всегда выход, в любой ситуации. Учитель всегда может отказаться учить тому, что капитал стремится навязать. Студент всегда может критиковать. Рабочий всегда может отказаться подчиняться. Солдат всегда может отказаться убивать. Вот почему капитал вкладывает так много энергии и ресурсов в то, чтобы этого не произошло. И всё же, в конце концов, выбор и ответственность — это наш выбор: не как индивидуальный, свободный выбор, а как часть борьбы за будущее человечества. Восстание — это всегда выход, но, более того, оно — неотъемлемая часть повседневной жизни. Вот почему существование капитализма основано на его собственном постоянном воссоздании, постоянном воссоздании его форм общественных отношений.

Все формы общественных отношений суть процессы, процессы борьбы, живые антагонизмы. Наше творческая деятельность существует в чуждых формах, формах, которые отрицают его существование. Как указывает Ричард Ганн, сказать, что нечто существует в форме чего-то другого, означает, что оно существует «в форме отрицания» (Gunn 1992: 14). Но понимать форму как процесс означает настаивать на том, что то, что существует в форме отрицания, существует в постоянном бунте против своего собственного отрицания: отношение между деятельностью и абстрактным трудом есть отношение напряжения и бунта.

Этот вопрос не нов и в богословских понятиях был поставлен Эриугеной, неортодоксальным теологом IX века. Он утверждал, что Бог создал человека не просто в начале человеческой истории, но как постоянно повторяющийся процесс, что Он постоянно создаёт и пересоздаёт человека. Это открывает огромную хрупкость нашей жизни: наше существование от момента до момента зависит от активного процесса божественного творения^[6].

Этот момент можно ещё раз перефразировать в терминах «истинной ценности памяти» (Marcuse 1956/1998: 18). Навязывание абстрактного труда требовало столетий зачастую жестокой борьбы. Борьба женщин, мужчин и всех, кто сопротивлялся, лежит в прошлом, но также живёт и в настоящем, как память. Нынешняя сила или истинностная ценность памяти, будь то индивидуальной или общественной, «заключается в специфической функции памяти сохранять обещания и потенциальные возможности, которые были преданы и даже объявлены вне закона зрелым, цивилизованным индивидом, но которые когда-то были выполнены в его смутном прошлом и которые никогда полностью не забываются» (там же: 18). Фрейдистский психоанализ заставляет нас осознать, что благодаря памяти прошлое продолжает жить в настоящем. То же самое верно и в социальном плане: не искупленная борьба прошлого, несбывшиеся обещания и потенциальные возможности — это сила настоящего^[7]. «Бойтесь гнева мёртвых», как выразился Элитис^[8]. И точно так же можно сказать о возможном будущем — что мир, которого ещё нет, но который мог бы быть, существует «пока не» — как реальное ожидание в борьбе прошлого и настоящего^[9]. Ведьмы остались живы: не риторическая фраза, а реальная сила памяти и возможное будущее в настоящем.

Инодеятельность подавляется, но не исчезает. Согласно ирландской мифологии, когда милезианцы вторглись в Ирландию, прежние жители, Туата Де Дананн, не были уничтожены, а

были загнаны под землю, где они продолжили жить и заниматься магией. Победа абстрактного труда не уничтожила другие формы поведения, а лишь загнала их в подполье, где они продолжают жить, подавленные и мятежные. Нас интересует "возвращение вытесненного", которое, согласно Маркузе, "составляет табуированную и подземную историю цивилизации" (Marcuse 1956/1998: 16): не вытесненное прошлое, а то, что не искуплено в прошлом, потенциальность иного будущего^[10].

Все эти формулировки указывают на нынешнее существование *другой стороны*. Если деньги — это процесс, то это процесс монетизации *чего-либо*, точно так же, как государство — это процесс закрепления *чего-либо*, точно так же, как первоначальное накопление — это постоянно повторяющееся преобразование *чего-либо*. За деньгами, государством, мужчиной, женщиной и т.д. скрывается что-то тёмное, невидимое, что-то прорабатываемое, что-то формирующееся, что-то (пока) не полностью поглощённое капиталистическими формами, не полностью монетизированное, статизированное, коммодифицированное, сексуально диморфизированное. Есть что-то, что не вписывается: мы сами. Сам факт, что мы критикуем эти формы, означает, что есть нечто, что существует за их пределами. Как выразился Эрнст Блох по отношению к отчуждению: "отчуждение не могло бы быть даже замечено и осуждено за то, что оно лишает людей свободы и лишает мир его души, если бы не существовало некоторой меры его противоположности, того возможного приближения к самому себе, бытия с самим собой, в противопоставлении которому можно было бы измерить отчуждение" (Bloch 1964 (2): 113).

Эта *другая сторона* — не просто потенциал или возможность. *Другая сторона* — это потенциал, это предвосхищение мира, который мог бы существовать, но трактовка его как простой возможности оставляет нас опасно висящими в воздухе, снова откладывает реализацию этого потенциала до какого-то смутного и неопределённого будущего. Потенциал, который не является живым антагонизмом, живой борьбой, ничего не стоит. У всех нас есть потенциал стать знаменитыми баскетболистами или выдающимися нейрохирургами, но если этот потенциал не имеет материального выражения, он превращается в мечту-самообман. Понимание абстракции как настоящего процесса означает, что то, что абстрагировано, существует не только как потенциальная, но и как реальная сила в настоящем.

Именно эта тёмная сторона, не просто как потенциальная, но и как существующая сила, интересует нас. Это возвращает нас к исходной точке: двойственному характеру труда, как абстрактного труда и полезного или конкретного труда, или как отчуждённого труда и сознательной жизнедеятельности. В предыдущих разделах мы сосредоточились на абстрактном труде как силе, которая плетёт паутину господства. Пришла пора обратиться к другой стороне: полезному или конкретному труду, сознательной жизнедеятельности, конкретной деятельности. Здесь — поворотный момент в споре.

1. Как говорит Вернер Боннефельд (Bonnenfeld 2009a: 77), отвечая на аргумент, что Маркс думал о первоначальном накоплении просто как о прошедшем переходе к капитализму, «действительно ли Маркс никогда не упоминал о первоначальном накоплении иначе, чем в

терминах перехода, на мой взгляд, малоинтересно. Если он действительно этого не сделал, то, очевидно, должен был». [↗](#)

2. О последствиях этого см. Davis (2006). [↗](#)

3. Иногда утверждается, что первоначальное накопление всё ещё существует, но только при расширении накопления капитала в новые области: другими словами, в современном капитализме бытует сосуществование между нормальным накоплением и первоначальным накоплением (в этом смысле см. De Angelis 2007, (особенно гл. 10), и, с противоположной стороны, Harvey 2003). Аргумент здесь заключается в том, что такое различие не может быть сделано (в том же смысле, см. Bonefeld 2009b и 2009c). [↗](#)

4. Существует оживлённая дискуссия о современном значении первоначального накопления: об этом см. статьи, впервые опубликованные в онлайн-журнале «*The Commoner*», а теперь объединённые в Bonefeld (2009a), а также Harvey (2003). Крайне важно понять, что первоначальное накопление в настоящее время — не маргинальный аспект капитализма, а просто постоянное становление и восстановление капитала. [↗](#)

5. О форме как процессе формы см. Holloway (1980/1991 и 2002/2005). [↗](#)

6. Можно сказать, что эта книга вдвойне эриугенична. [↗](#)

7. О нынешней силе неискуплённого прошлого см. Вальтера Беньямина, особенно его «Тезисы по философии истории» (Benjamin 1940/1969: 253 и далее). О важности памяти см. также Tischler (2005a) и Matamoros (2005). [↗](#)

8. Из поэмы Одиссея Элитиса «*Axion Esti*» (Elytis 1959/1974: 42); цитируется Memos (2009: 14). [↗](#)

9. См. Bloch (1959/1986). [↗](#)

10. О сохраняющейся важности концепции репрессии в контексте нынешних дебатов, то есть несмотря на структуралистские и постструктуралистские нападки на эту концепцию, см. Kastner (2006). [↗](#)